

Е. БЕЛЯКОВ

ДОМИК У МОРЕЯ

18+

Е. Бељаков

Домиљ у моря

«Автор»

2026

Беляков Е.

Домик у моря / Е. Беляков — «Автор», 2026

Третья книга антологии "Холодный сговор" США, 1968 год. Агент по недвижимости Джим Труитт, ветеран Японской войны, узнаёт от таинственного бродяги, что у генерала Эрла Стёрджиса есть тёмный секрет. Важно! Сеттинг антологии, хронология Второй мировой войны и её итоги значительно отличаются от реальной истории.

© Беляков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Е. Беляков

Домик у моря

Контора агентства «Бизли и сыновья» располагалась в одноэтажном здании из красного кирпича на выезде из городка. Я свернул со Стейт-стрит и заглушил двигатель на стоянке у крыльца. Радиатор Виллиса еле слышно потрескивал, отдавая жар мотора воздуху. День обещал быть тёплым.

Сквозь витрину я заметил фигуру Хойта. Хойт был одним из тех самых «сыновей» старого Бизли, но лет восемь назад принял управление делами у своего отца. Примерно тогда же он и взял меня на работу. Я знал побережье. Умел подать товар лицом, а недостатки представить так, что они выглядели достоинствами. У меня была своя машина. И мне можно было платить меньше, чем белому.

Хойт стоял у стойки, возвышаясь над ней как айсберг в гавайском габардине, и что-то вдохновенно рассказывал, рассекая воздух пухлой ладонью. Собеседник был виден только со спины — но спина была прямой, как ружейный ствол. На нём была лёгкая хлопковая рубашка и брюки цвета хаки, на голове — фуражка с генеральским «омлетом»¹ на козырьке. Большая шишка.

Я вышел из машины, поправил галстук и толкнул стеклянную дверь. Колокольчик звякнул.

Хойт обернулся на звук и расплылся в улыбке.

— А вот и он! — провозгласил Бизли, взмахнув рукой так, будто представлял фокусника в цирке. — Морпех² Джим.

Генерал обернулся.

Я узнал его сразу. Его лицо часто мелькало в газете «Старз энд Страйпс», которую Дядя Сэм заботливо присылал нам во время войны. Эрл Стёрджис. С тех пор подбородок потяжелел, седина легла на виски аккуратной стальной стрижкой, а на его отложном воротнике красовались три серебряные звезды. Генерал-лейтенант. А в те годы он, кажется, был полковником.

— Генерал Стёрджис, — сказал я. — Это честь, сэр.

Протягивать руку я не стал. Генералы сами решают, кому пожимать руку, а кому нет. Он кивнул мне, и я уловил короткую заминку — он скользнул взглядом по моему лицу, потом по пиджаку, по гладко выбранной макушке.

— Лучшего гида по побережью вы не найдёте, зуб даю, — вклинился Хойт. — Если хотите, Джим прямо сейчас устроит вам экскурсию и подберёт хороший домик у моря.

— Мне не нужен хороший, мистер Бизли. Мне нужен лучший!

— У вас есть ограничения по бюджету?

— Не валяйте дурака. Мы не в Ньюпорте и не в Малибу. Это Джорджия. Тут я могу позволить себе любой.

— Тогда, я уверен, генерал, дома в «Уайт-Марш-Эстейтс» — это именно то, что вам нужно!

— Хорошо, — сказал он. — Только я поеду на своей машине.

— Как вам угодно, сэр.

Хойт за моей спиной уже потирал руки. Комиссионные с продажи домика в «Уайт-Марш-Эстейтс» обещали быть такими, что Бизли смог бы месяц не застёгивать верхнюю пуговицу на пиджаке.

¹ Золотистая вышивка на козырьке фуражки, иронично именуемая scrambled eggs.

² Подразумевается слово Jarhead, буквально — «кувшиноголовый», ироническое прозвище морского пехотинца. Увы, в русском нет благозвучного синонима.

Мы вышли на крыльцо. У обочины, сразу за моим Виллисом, темнел правительственный «форд» — чёрный, начищенный, с водителем-сержантом за рулём. Сержант был белый и смотрел прямо перед собой. Генерал Стёрджис остановился на крыльце, поправил фуражку и вдруг замер.

Он разглядывал мою машину.

Виллис стоял на солнце, выставив напоказ каждый свой шрам и каждую заплатку. Родная краска «олив-драб» выцвела до болотного оттенка, но я не перекрашивал — зачем? На переднем пассажирском³ крыле красовались вмятины: я сам в своё время крепко приложился обо что-то на островах и по месту отрихтовал киянкой. Ветровое стекло откинута вперёд, на капот: я часто так делал, в особенно жаркие дни, — ехал и чувствовал лицом горячий ветер, как тогда, на Гуаме.

— Сержант, — бросил Стёрджис своему водителю. — Езжайте за нами.

Он спустился с крыльца и подошёл к Виллису. Положил ладонь на капот — и вдруг улыбнулся. Впервые за всё время. Улыбка вышла неожиданной: по-стариковски тёплой, почти ностальгической.

— Чёрт возьми, — сказал он. — Это же МВ. Какой год?

— Сорок второй, сэр. Сошёл с конвейера в январе. Ранний выпуск, их мало сохранилось.

— Я на таком же на Филиппинах ездил. — Он обошёл капот и без приглашения сел на пассажирское сиденье. — Ладно, сынок. Вспомним молодость.

Я сел за руль. Двигатель чихнул и завёлся с пол-оборота — я держал его в порядке. Чёрный «форд» вырулил следом за нами. Я повернул на Стейт-стрит и взял курс на шоссе.

³ Американцы не называют стороны машины «левая» и «правая», они говорят «водительская» и «пассажирская».

— Итак, — начал я, выруливая на мост через реку, — «Уайт-Марш-Эстейтс» — это закрытый посёлок к северу от Брансуика, буквально в часе езды от Форта Стюарт и трёх часах от авиабазы Муди. Охрана круглосуточная, две линии. Территория сто двадцать акров, собственный выход к заливу. Песчаный пляж, причал для яхт. На территории частная школа — начальные и средние классы. Все соседи проходят отбор...

— Ты не морпех. В морскую пехоту не берут чёрных⁴, — перебил меня генерал.

Я держал руль. Солнце било в ветровое стекло, и я чуть прищурился.

— Нет, сэр, — сказал я. — Не морпех.

— Тогда откуда прозвище?

Я глянул на него краем глаза. Стёрджис сидел, повернувшись ко мне вполоборота, положив локоть на спинку сиденья и держась другой за поручень. Смотрел на меня в упор, и на этот раз в его глазах было не оценивающее любопытство, а что-то другое. Почти требовательное.

— Меня туда не взяли, — сказал я. — В сорок первом, когда началось. Я пришёл добровольцем в призывной пункт, заполнил бумаги. Отправил запрос в Корпус, думал, война всех уравнивает. Тогда я был молод и наивен. Конечно, мне отказали. По цвету. Но я всё равно попал на острова, в пехоту, водителем. А прозвище мне ещё в порту приклеили. Ребята прознали, что я подавал заявление в Корпус, и решили, что это смешно. А когда смешно, прозвище липнет. С ним я прошёл всю Японскую, до последнего дня, и до сих пор оно так и не отвалилось. Все зовут меня Морпех Джим, даже босс, я уже привык.

— А джип, — переспросил он. — Откуда у тебя эта машина? Их не продавали для частного использования.

— Я воевал на этой самой машине, сэр. Был водителем миномётного расчёта. Вот прямо здесь лежал наш верный М2, по бокам от заднего сиденья стояли укладки с минами. В сорок четвёртом, когда я демобилизовался, армия начала распродавать всё, что не имело смысла вывозить. Правительство решило, что дешевле оставить технику на островах, чем везти через океан. Я тогда сделал глупость и выкупил свой джип. Всего-то за сорок баксов.

Стёрджис хмыкнул.

— Сорок баксов, — повторил он. — А перевозка?

— Вы уже поняли, в чём была моя глупость, сэр. Перевозка обошлась почти в четыре сотни. Я потратил почти все свои сбережения и в какой-то момент чуть не пожалел. Но оно того стоило, да. Из Сан-Педро гнал в Джорджию своим ходом. Здесь эту машину не хотели регистрировать, но у меня была официальная бумага на покупку от Министерства обороны, а в транспортном отделе Департамента доходов нашёлся сослуживец из нашего батальона, сумел договориться.

Мы проехали указатель на Брансуик, и я сбросил скорость — впереди был поворот к «Уайт-Марш-Эстейтс». Белый шлагбаум и будка охраны показались из-за дубовой рощицы. Охранник узнал мою машину и приподнял фуражку.

— Хорошая машина, — сказал вдруг Стёрджис. — И рассказ хороший.

Я не ответил. Шлагбаум поднялся, и Виллис покатил по гладкому асфальту в сторону моря

Я припарковал машину на подъездной дорожке, выложенной розовой брусчаткой. Дом стоял перед нами — большой, белый, с серой черепичной крышей и широкой верандой, опоясывающей фасад. За домом, в каких-нибудь ста ярдах, поблескивал залив. Волны накатывали на песок с тихим, убаюкивающим шёпотом.

⁴ В реальной жизни чернокожих начали принимать в КМП в 1942 году под давлением президента Франклина Делано Рузвельта. Первые чернокожие морпехи проходили подготовку не вместе с белыми, а в отдельном, сегрегированном лагере Монтфорд-Пойнт в Северной Каролине. В мире повести президентом в эти годы был республиканец Роберт Тафт, который не поддерживал десегрегацию, поэтому чёрных не принимают в морскую пехоту и по состоянию на 1968 год.

— «Уайт-Марш-Эстейтс», — сказал я, выходя из машины. — Первая линия. Собственный выход к пляжу.

Генерал выбрался из Виллиса и огладил рубашку. Его «форд» остановился поодаль, у бордюра; сержант за рулём остался сидеть навытяжку. Стёрджис оглядел улицу — аккуратные газоны, подстриженные живые изгороди, белые почтовые ящики на столбиках, — и удовлетворённо кивнул.

Я повёл его к дому.

— Четыре спальни, три ванных комнаты, гостиная с камином, столовая, кухня с новой техникой — плита «Дженерал Электрик», двухкамерный холодильник «Фриджидэир». — Я отпер входную дверь и пропустил генерала вперёд. — Гардеробная при главной спальне. Отдельная комната для прислуги. Полы — дубовый паркет.

Внутри пахло свежей краской и деревом. Солнце лилось сквозь высокие окна, ложилось жёлтыми квадратами на пол. Стёрджис прошёлся по гостиной, заглянул в камин, потрогал мраморную полку. Обои были светлые, в мелкий цветочный рисунок, но безусловно качественные.

— Дом построен в этом году, — продолжал я. — Новый, тут ещё никто не жил. Подведены все необходимые коммуникации. Фундамент усиленный, есть винный погреб.

Я провёл его на кухню. Он постоял, глядя на сверкающую хромом плиту, и ничего не сказал. Мы поднялись на второй этаж.

— Два телевизора: один здесь, в большой спальне, и ещё в гостиной на первом этаже. Оба — цветные. В этом доме — всё только лучшее, что есть в Америке.

Главная спальня выходила окнами на залив. Я распахнул створки, и в комнату ворвался солёный ветер, тронул занавески. Генерал стоял у окна и смотрел на воду.

— Пляж частный? — спросил он.

— Для жителей посёлка и их гостей, сэр. Посторонние не допускаются. Пляжи насыпные, проводится текущая уборка и регулярная дезинфекция.

— И кто живёт по соседству?

Я назвал несколько имён. Сенатор, владелец судоходной компании из Саванны, вдова конгрессмена.

— Управляющий банком из Брансуика, — добавил я. — И буквально в соседнем доме ещё один джентльмен — владелец сети аптек по всему штату. Соседи солидные, уважаемые.

Стёрджис удовлетворённо кивнул.

— Ты сказал — закрытый посёлок. Охрана?

— Круглосуточная. Два поста. Один у главного въезда, второй патрулирует периметр. Все охранники — бывшие военные, рекомендации строго проверяются. Чужих не пропускают. Если гость не внесён в список, он не попадёт дальше шлагбаума. Даже вас бы не пропустили, если бы мистер Бизли не сделал звонок.

— И сколько здесь живёт...

Он замолчал. Я понял вопрос.

— В посёлке девятнадцать домов, сэр, — сказал я ровным голосом. — Все домовладельцы — белые. Цветные есть только среди персонала: садовники, горничные, повара. Но все они проходят тщательный отбор. У каждого — безупречные рекомендации от предыдущих нанимателей, не менее двух. Без этого сюда не попадают.

Стёрджис кивнул — он услышал именно то, что ожидал услышать.

— А школа?

— Частная школа на территории посёлка, — сказал я. — Начальные и средние классы. Учителя с дипломами из колледжей Новой Англии. Классы маленькие, не больше восьми учеников. Программа усиленная: физика, математика, история, также есть учителя русского,

французского, испанского и латыни. Спортивная секция, бассейн. Дети из посёлка зачисляются автоматически.

Мы спустились обратно в гостиную. Генерал остановился посреди комнаты, заложив руки за спину. Солнце падало на его лицо, и я видел, как подрагивает мускул на скуле — он думал.

— Отличный дом, — сказал он наконец. — Отличный посёлок.

— Не думаю, что ошибусь, если скажу, что лучший на восточном побережье, сэр. Возможно, что-то подобное есть во Флориде, но в Джорджии вы точно не найдёте второго такого.

— Цена?

Я достал из кармана карточку с расчётами — чисто для солидности, потому что все цифры держал в голове.

— Двести шестьдесят тысяч долларов, сэр. Но для вас — двести сорок пять. Персональная скидка от нашей компании. В знак уважения.

Повисла пауза. Секунду или две генерал молчал, переваривая услышанное. Потом его лицо медленно побагровело. Сумма явно застала его врасплох.

— Двести сорок пять тысяч, — повторил он неестественно спокойным голосом. — Ты понимаешь, что мой годовой доход едва переваливает за тридцать? Ты понимаешь, что тут тебе не Калифорния? Откуда здесь такие цены?

Я молчал.

— Есть тут что-то более доступное? — продолжил он, повышая голос.

— Более доступные варианты имеются, сэр, — сказал я. — Цены начинаются от двухсот десяти тысяч. Но этот дом — лучший в посёлке, и он стоит лишь немногим дороже. Я предложил вам лучшее из уважения к вашим заслугам.

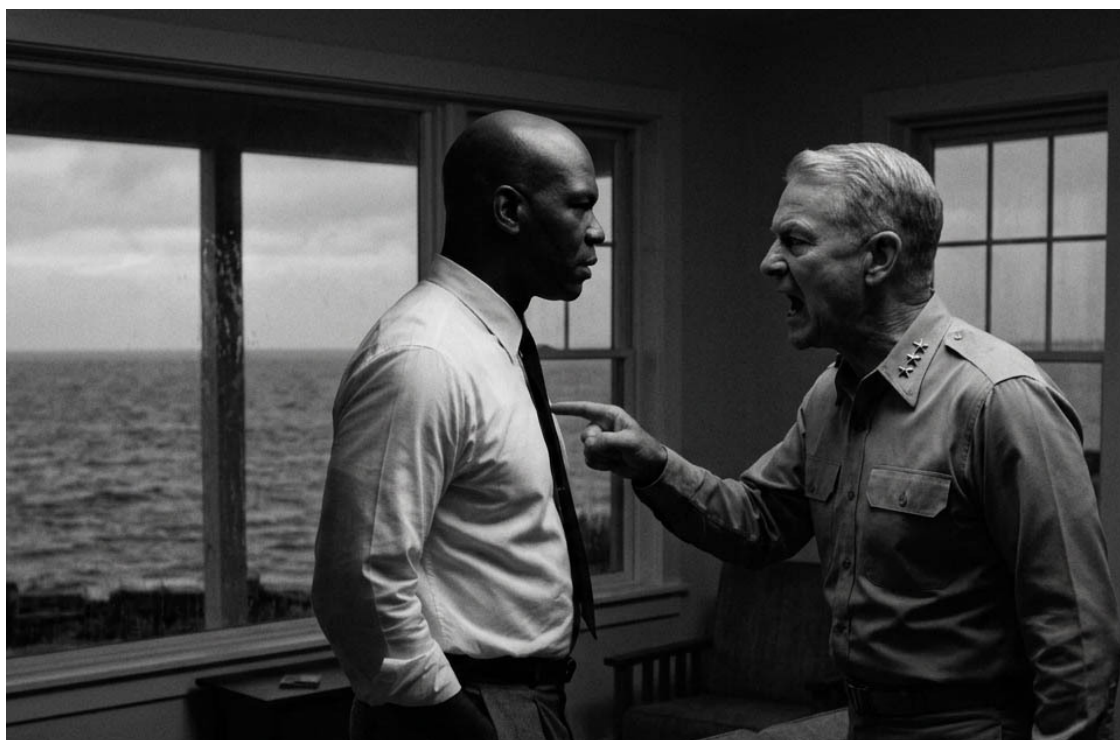
— Из уважения, — прошипел Стёрджис. — Из уважения. Вы со своим Бизли мне тут расписывали, какие замечательные дома есть в посёлке. Я полагал, что хоть один из них может мне подойти. Ты втираешь мне, что прокатить меня до этого чёртова особняка и показать ценник в двести сорок пять кусков — это уважение?

Он шагнул ко мне. Ростом он был мне чуть выше плеча, но сейчас стоял так, будто я был рядовым, а он — командующим фронтом.

— Это грабёж, — отчеканил он. — Ты привёз меня сюда, чтобы выставить дураком. Думаешь, раз я генерал, то купаюсь в деньгах?

— Сэр, я...

— Молчать.

Я замолчал. Стёрджис стоял в двух шагах от меня, и лицо у него было красное, а дыхание — тяжёлое, с присвистом.

— Чёртовы ниггеры, — сказал он, чеканя каждое слово, — видимо, всерьёз считают, что белый генерал купается в золоте, как этот ваш чёртов... как его там... как царь Соломон. А я зарабатывал свои деньги годами службы! Ты понял меня? Пусть Бизли пришлёт мне нормального агента!

— Да, сэр, — одной из самых неприятных, но, увы, востребованных обязанностей агента по недвижимости была принимать удар на себя. Сюда меня направил Хойт, да и сам генерал требовал не какой-то, а именно лучший дом и не лимитировал бюджет, но напоминать сейчас ему об этом — значит, потерять клиента не только для себя, но и для компании. — Простите, я допустил ошибку. Я передам вашу просьбу, такого больше не повторится.

Он развернулся на каблуках и зашагал к выходу. Дверь хлопнула так, что задребезжало стекло. Через окно гостиной я видел, как он садится в чёрный «форд», как сержант поспешно заводит двигатель, как машина срывается с места и уносится прочь по гладкому асфальту.

Я остался в пустом доме. Солнце по-прежнему падало на дубовый паркет, волны по-прежнему шептались о чём-то с берегом, и ветер так же пах морем. Я подошёл к окну, сунул руки в карманы и долго смотрел на пустую дорожку.

Двести сорок пять тысяч. Хойт, конечно, рассчитывал, что генерал, смущённый собственным требованием «лучшего», постесняется торговаться. Но Стёрджис не постеснялся — он взбесился. Не то, чтобы генерал не мог себе позволить этот дом, но цена и впрямь была неприлично завышенной, даже при том, что я сбил комиссионные нашей конторы с космических до просто огромных. Если бы я назвал меньшую сумму, Хойт просто удавился бы от жадности.

Вспышка гнева Стёрджиса была объяснимой. В нём говорило уязвлённое самолюбие: он ощутил себя беднее, чем привык думать. Вряд ли он сюда вернётся. Даже притом, что «Уайт-Марш-Эстейтс» — это именно то, чего он хотел.

Я вышел из дома, запер дверь и сел в свой Виллис, уже на ходу стягивая галстук. Узел упруго поддался, и я вздохнул с наслаждением — такое же, наверное, испытывает водолаз,

когда снимает шлем после долгого погружения. Белая рубашка полетела на заднее сиденье — следом. Я достал гавайку — кричаще-жёлтую, с алыми попугаями, — натянул через голову и застегнул на три пуговицы ровно настолько, чтобы не выглядеть совсем уж босяком. Попугаи на груди топорщились, как живые. Двигатель завёлся ровно и мягко. Я погладил руль.

— Поехали, старина, — сказал я. — У нас ещё много работы.

И покатил обратно, к шоссе, под тихий шелест дубов и отдалённый шум прибора.

Гараж стоял на отшибе, за старым кирпичным заводом, и пахло в нём бензином, пылью и космолином⁵ — то есть именно так, как и должно пахнуть в месте, которое шестеро ветеранов-отставников называют своим складом. Я заглушил Виллис у ржавых ворот и вылез.

Внутри гаража уже горел свет. Лампа под потолком раскачивалась на шнуре, заставляя тени от стеллажей оживать. Мои парни были в сборе: кто сидел на ящиках, кто перебирал тюки, Расти⁶ возился с мотором своего старого «студебекера» и попутно втолковывал что-то Шкиперу.

— Гляньте, кто пришёл, — прогудел Кирпич, здоровенный белый детина с шеей, вправленной прямо в плечи. — Морпех Джим в парадной гавайке. Ты чё, в таком виде клиента охмурял?

— Почти угадал, — сказал я. — Клиент оказался генералом. Генерал оказался говнюком. Захотелось выдохнуть, расслабиться.

По гаражу прокатился смешок. Профессор — тощий, в очках, школьный учитель и толковый миномётчик, — достал свежую газету и пробежался глазами по первой полосе. С Профессором мы служили вместе. По правде говоря, мой Виллис даже дольше его, чем мой. В сорок третьем, когда наш полк выбили почти подчистую, тех, кто остался в строю, распихали по соседям, у которых тоже были серьёзные потери. Меня занесло к белым — у них настолько остро не хватало «рулей», что они готовы были согласиться даже на чёрнокожего водителя из разбитого полка. Встретили мы друг друга со взаимным недоверием: меня воспринимали как чёрного чужака, которому не место в слаженном расчёте, и который уж точно не сможет заменить погибшего Текса, я тоже многого не ждал от этого нескладного ботаника. К концу войны мы стали лучшими друзьями — и остаёмся ими до сих пор.

— Кстати о говнюках, — сказал он и постучал пальцем по странице. — Слышали? Поймали того, кто Гиппера пристрелил. Вы сейчас просто охренеете!

Гиппером мы называли убитого на днях Рональда Рейгана — по его роли в довоенном фильме. Бывший актёр, конечно, привносил свежую струю безумия в монотонную политическую жизнь страны, но, будем честны, на какое-то серьёзное влияние он претендовать не мог, несмотря на всю его харизму. В прошлом году он с треском проиграл губернаторские выборы в Калифорнии — а три дня назад его нашли убитым в собственном доме. Буквально позавчера мы обсуждали, кому вообще понадобилось в него стрелять.

— Что там? — спросил я, подходя к стеллажу. — Европейцы кого-то подослали?

— Держитесь крепче, вы такого точно не ожидали, — Профессор поднял газету повыше, чтобы все видели заголовок и фотографию человека в наручниках. — Джон Чейфи из Род-Айленда. Уважаемый человек, конгрессмен, республиканец. Его собственный однопартиец.

— Вот те раз, — хмыкнул Расти, механик в промасленном халате. — Я думал, это красные или лайми⁷. А это, получается, свои своих мочат.

— Ветеран Японской войны, — прочитал Профессор. — Капитан Корпуса морской пехоты. Медаль за ранение.

Кирпич присвистнул и повернулся ко мне.

⁵ Американский консервационный состав, нечто среднее между пушечным салом и солидолом.

⁶ Это не только сокращение имени Расселл, но и прилагательное «Ржавый»

⁷ Британцы.

— Слышь, Морпех? Твой приятель, гы!

— Иди к чёрту, Кирпич, — сказал я беззлобно. Парни залились гоготом.

— А за что он его, в газете не пишут? — спросил Шкипер, бывший матрос, наш главный по связям с заказчиками.

Профессор поправил очки и откашлялся.

— Цитирую: «По предварительным данным, мотивом послужила речь мистера Рейгана на собрании республиканской партии в Сакраменто, в которой он подверг резкой критике политику изоляционизма и призвал Соединённые Штаты занять место третьей силы в международной политике, способной потеснить Франко-Британскую Конфедерацию и социалистический блок, даже если это будет сопряжено с риском военных конфликтов». Стоило ожидать.

— Ну и правильно, что пристрелил, — подхватил Расти. — Мы за что воевали? Чтобы какой-то авантюрист нас обратно в окопы загнал?

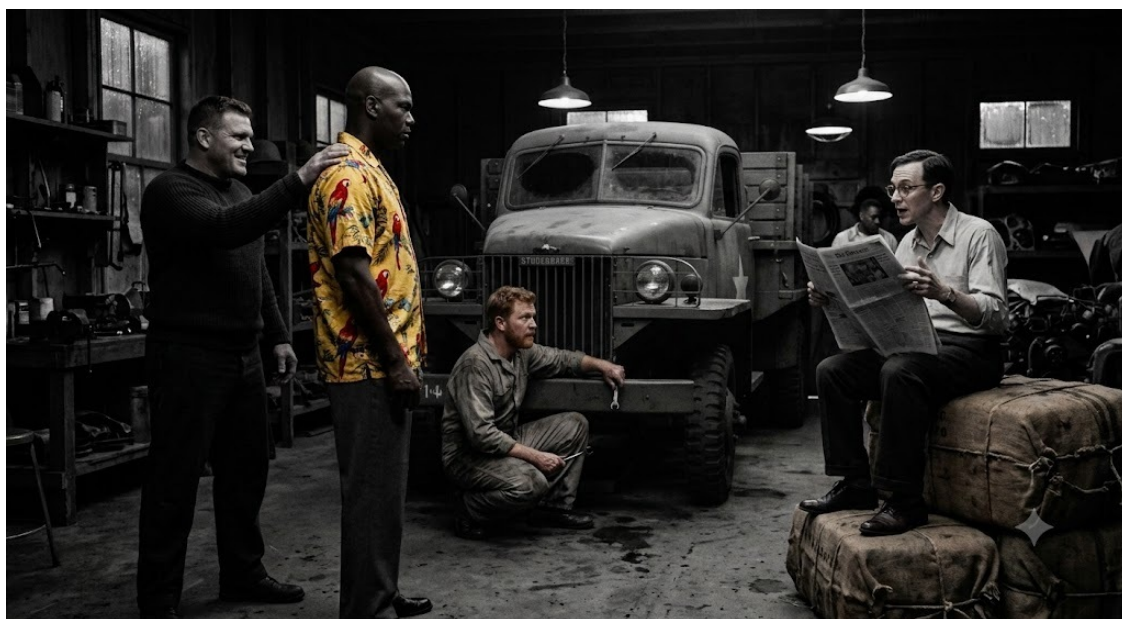
— Мы воевали за острова, которые никто из нас до этого даже не нашёл бы на глобусе, — подал голос Килдэр⁸, бывший военный медик. — Ну, кроме Профессора, конечно, но и в этом я не уверен. А теперь правительство качает там нефть и продаёт её япошкам. Вот и вся наша война.

Профессор поднял ладонь, призывая к тишине, и продолжил:

— Не буду зачитывать, тут много, перескажу своими словами. Пишут, что Чейфи пришёл к Гипперу, чтобы высказать, что думает о его речи. Назвал его предателем и безумным реваншистом, который не понимает, во что пытается втянуть страну. Что не знает, что такое война, потому что во время неё только снимался в пропаганде, пока другие проливали кровь ни за хрен собачий. Рейган ему предложил пройтись на хрен. У Чейфи сорвало крышу, он вытащил пистолет и пальнул. Дважды.

— Вот такое кино, — припечатал Килдэр. — Экран не спас. А чего он к нему с пистолетом-то припёрся?

— А ты вон спроси у Морпеха, почему он без «Кольта» из дома не выходит. Слышь, Морпех, может, у вас там целый клуб таких, а? Валите всех подряд, направо и налево, не разбирая, где свои, а где чужие.

⁸ Источником позывного послужил Джеймс Килдэр — врач из книг Макса Брэнда. Перед войной персонаж приобрёл всеобщую славу благодаря серии фильмов Metro-Goldwyn-Mayer с Лью Эйрсом в главной роли.

— Своих мне валить не доводилось, — я выставил ладони перед собой. — Но это пока что. Персонально для тебя, Кирпич, скоро сделаю исключение.

По гаражу снова прокатился смех — на этот раз вперемешку со свистом. Кирпич хлопнул меня по плечу и вернулся к своим тюкам.

— И что там потом этот Чейфи? — спросил я.

— Пытался покинуть страну. Взяли в аэропорту Майами, с билетом до Каракаса. Сопротивления не оказал.

Я подошёл к груде тюков, сваленных у дальней стены. Танковые комбинезоны — старые, из сороковых, сейчас такие не носят. Пахло от них нафталином и складской пылью. Я присел на корточки и пощупал материю. Плотная, но дышащая. Интересно, кому они понадобились?

— Кстати, — сказал я, оборачиваясь. — Это то, что просил Старый Ти?

— Оно самое, — кивнул Шкипер. — Списанные танковые комбинезоны, четыре дюжины. Я вчера забирал со склада в Форте Стюарт. Сержант-снабженец сказал, что их списали ещё пять лет назад. Сныкал для людей вроде нас.

— Старый Ти не сказал, нахрена ему танковые комбинезоны?

— Старый Ти всегда знает, куда что пристроить, — хмыкнул Расти. — Помнишь, в прошлом году он попросил армейские одеяла, а через месяц они всплыли у каких-то коммунистов в Гватемале.

— В Гондурасе, — поправил Профессор. — И не всплыли, а были конфискованы местной полицией. Но Ти всё равно получил свои деньги.

— Вот видишь, — сказал Расти. — Старый Ти всегда получает свои деньги. А зачем кому-то в Гондурасе армейские одеяла — это не наше дело.

Я хмыкнул и взялся за тюк. Кирпич подхватил второй, и мы потащили их к «студебекеру». Солнце уже клонилось к вечеру, и свет в гараже стал рыжим, пыльным. Профессор сложил газету и убрал её в карман.

— Знаешь, Морпех, — произнёс он задумчиво, — а ведь у истории есть ирония.

— В каком смысле?

— Вот смотри. Ты хотел в Корпус, тебя не взяли. Он пошёл в Корпус, его взяли. Тебя потом не приняли в колледж, а он выучился на юриста и стал конгрессменом. И что в итоге? Теперь ты продаёшь дома богатым, а он купил билет до Каракаса, но долетел только до «большого дома». По факту, вы оба остались ни с чем.

— Я не остался ни с чем, — сказал я, поднимая очередной тюк. — У меня есть Виллис. Кирпич заржал. Профессор покачал головой, но улыбнулся.

— Ладно, хватит болтать, — скомандовал Шкипер. — Старый Ти ждёт груз к восьми. Килдэр, Кирпич, грузите оставшееся. Морпех, ты с нами или как?

— Я за вами, — сказал я. — Поеду на своём.

Мы закончили погрузку за полчаса. Тюки легли в кузов ровными рядами, парни расположились на них. Я сел в Виллис, погладил руль и завёл двигатель. Попугаи на гавайке весело переливались в закатном свете. Грузовик Расти вырулил первым, я покатил вслед за ним, глядя в зеркало заднего вида, как рыжая пыль поднималась за нашей маленькой колонной и медленно оседала в вечернем воздухе.

Старый Ти ждал нас на своём складе у железнодорожной станции.

Склад стоял на тупиковой ветке, втиснутый между пакгаузом и заброшенной угольной эстакадой. Когда-то здесь грузили хлопок, потом удобрения, потом ещё чёрт знает что. Теперь вокруг валялись ржавые обрезки рельс, старые шпалы и пустые ящики, а сам склад принадлежал Терренсу Маккензи по прозвищу Старый Ти.

Грузовик Расти затормозил у пандуса. Я припарковал Виллис поодаль, под чахлым дубом, и вышел размять ноги. Вечерний воздух пах железной дорогой — креозотом, графитом,

товой смазкой и тем особенным сухим теплом, которое рельсы отдают после целого дня под солнцем Джорджии.

Старый Ти уже ждал нас у ворот.

Пятнадцать лет назад у него была одна лавчонка под названием «Армейский магазин Терренса». Там продавались армейские ботинки, фляги, ремни, комплекты старой формы и прочий хлам, который ветераны покупают потому, что привыкли к нему больше, чем к гражданским вещам. С тех пор его бизнес заметно пошёл в гору, и сейчас у него было несколько магазинов. С полдюжины у нас, в Джорджии, один в Джексонвилле, ещё один где-то в Южной Каролине. Поговаривали, что он начал отправлять товары за океан.

Выглядел при этом Старый Ти точно так же, как пятнадцать лет назад. Лет ему было, по моим прикидкам, хорошо за шестьдесят, но двигался он легко, а спину держал так прямо, будто до сих пор носил невидимый корсет.

— Морпех, Шкипер, — кивнул он нам.

— Рады видеть тебя, Ти.

— Привезли?

— А то.

Он сплюнул в пыль и махнул рукой своим грузчикам.

Кирпич и Килдэр уже откидывали брезент. Профессор стоял чуть в стороне, засунув руки в карманы, и смотрел на станционные огни, зажигающиеся вдоль путей один за другим. Расти заглушил двигатель, и на секунду стало тихо — только ветер гудел под эстакадой да где-то далеко, за станцией, что-то кричали в рупор составители поездов.

Началась обычная работа. Тюки перегружали.

Внутри пахло так же, как и пятнадцать лет назад, когда я впервые переступил порог этого склада: старой фанерой, нафталином, тканью, пылью и чем-то ещё, неуловимым — возможно, временем. Стеллажи уходили под потолок, забитые коробками с маркировкой армейских складов от Форта Стюарт до Сан-Диего. Я заметил партию касок, которых здесь не было неделю назад, и ящик с надписью «Мед. имущество, срок годности — 1959». Срок годности истёк почти десять лет назад, но Старого Ти это никогда не беспокоило. Его клиенты, по большей части, тоже не жаловались.

Старый Ти обошёл тюки, пощупал материю на двух или трёх наугад, заглянул в швы и удовлетворённо кивнул. Потом подошёл к столу — старому, дубовому, с выжженными на столешнице кругами от бесчисленных кружек, — и отсчитал купюры из жестяной коробки. Отсчитывал он медленно, шевеля губами, но ни разу не сбился. Шкипер взял деньги, пересчитал и кивнул остальным. Всё было ровно, как договаривались. Ни цента сверху — Старый Ти не признавал ни чаевых, ни премий. Я давно понял одну вещь. Люди вроде него становятся богатыми не потому, что умеют зарабатывать. Они становятся богатыми потому, что панически боятся потерять хотя бы доллар.

— Шкипер, — сказал он, когда формальности были улажены, — не встречалась ли вам чёрная краска для хлопковой ткани?

Шкипер переглянулся с Профессором. Тот пожал плечами.

— Краска? — переспросил Шкипер. — На армейских складах? Не, такого не было, там всё или оливковое, или хаки. Чёрного текстиля не припомню.

— Жаль, — покачал головой Старый Ти. — Очень жаль. Лягушатники заказали мне танковые комбинезоны большого размера. Всё бы ничего, но они желают их исключительно в чёрном цвете.

— Французы? Им зачем? — уточнил Профессор, поднимая бровь.

— Французы, — подтвердил Старый Ти. — Они не объясняли, зачем им чёрные танковые комбинезоны, я тоже не спрашивал. Мне плевать. Пока платят конфедеративной валютой, пусть хоть свадебные платья из них шьют.

Повисла пауза. Старый Ти посмотрел на Профессора долгим взглядом, но ничего не сказал.

— Ладно, — заключил он. — Краски у вас нет. Комбинезоны есть. Уже неплохо. Если встретите что-то подходящее — дайте знать. Если найдутся ещё комбезы — везите, возьму.

— Без проблем, Ти, — откликнулся Шкипер.

Моё участие было уже не нужно. Я вышел на воздух, достал пачку "Лаки Страйк", отошёл в сторону, ближе к железнодорожным путям и закурил. Солнце уже село, и небо над станцией сделалось густо-синим, с одной оранжевой полосой у горизонта. Где-то далеко, за путями, залаяла собака.

За моей спиной парни на складе уже заканчивали разговор со Старым Ти. Я слышал, как Кирпич с грохотом распахнул дверь, а Шкипер кому-то что-то втолковывал.

— Джим! — крикнул Профессор от грузовика. — Ну ты чего, едешь или как?

— Еду, — я сделал последнюю затяжку и потопал к машине.

Виллис был словно рад пронестись по разбитой грунтовке до выезда на шоссе. Прохладный ветер был мне в лицо. Даже чёртов засранец-генерал не испортит мне этот день! В зеркале заднего вида огни станции уменьшались и гасли, уступая место темноте.

...Кажется, с вечера я перебрал с виски. Я проснулся посреди ночи не от звука — от тишины. Такая тишина бывает, когда кто-то чужой в доме: воздух сгущается, половицы замирают, даже холодильник на кухне перестаёт гудеть, будто прислушивается. Глаза открылись сразу, без перехода от сна к бодрствованию — так просыпаешься, когда за секунду до пробуждения что-то внутри уже знает: ты не один. Острова не отпускали меня даже здесь, в тихом районе Брансуика, где по ночам слышно только сверчков и далёкий гудок товарняка у моста. Прошло больше двадцати лет, а тело всё помнило.

В комнате было темно, только луна сквозь незашторенное окно отбрасывала на пол еле различимый косой прямоугольник. В этом прямоугольнике стояла тень. Плотная, неподвижная. Чёрный силуэт на чёрном фоне, но я знал свою спальню и знал, что этого силуэта там быть не должно.

Я рванулся с кровати. Не думал, не размышлял — тело сделало всё само: перекат на левый бок, рывок корпусом вперёд и вверх, кулак ушёл в темноту, целясь туда, где у тени должна была быть голова. Старая добрая привычка, которую вдолбили в учебке и которую не вытравить ни временем, ни мирной жизнью.

Кулак рассёк воздух. Тень ушла из-под удара — не отшатнулась, не отпрыгнула, а как-то странно присела, уходя вбок и вниз. Я услышал глухой стук — что-то ударило в пол. А уже в следующий миг что-то тяжёлое, похожее на табурет, врезалось мне в бок, чуть ниже рёбер.

Воздух вышел из лёгких с хрипом. Я потерял равновесие, рухнул обратно на кровать, но тут же попытался снова вскочить, цепляясь одной рукой за спинку, а другой шаря под подушкой. Под подушкой у меня лежал старый добрый армейский «кольт» сорок пятого калибра, привычный, как продолжение моей руки.

Рука скользнула по простыне. Пистолета не было.

Тень не приближалась. Я слышал дыхание — хриплое, неровное, с присвистом — и различал контуры: человек сидел на полу, выставив перед собой что-то на вытянутой руке.

Потом раздался щелчок. Металлический, сухой, негромкий — но в ночной тишине он прозвучал как удар молотка по наковальне. Вводимый курок «Кольта». Такой звук не спутаешь ни с чем.

Я замер в неустойчивой позе.

— Не делай глупостей, — произнесла тень. Голос был низкий, но какой-то перетёртый, будто говоривший долго кричал и сорвал связки. — Я пришёл не по твою душу.

Я выдохнул. Медленно, стараясь не делать резких движений, опустился на кровать. Сердце бешено колотилось.

— Кто ты?

Тень проигнорировала вопрос. Ствол «Кольта» даже не дрогнул.

— Ты служишь в Форте Стюарт?

— Нет, — ответил я. — Я своё давно отслужил. Демобилизован в сорок четвёртом.

Пауза. Он переступил с ноги на ногу — как-то неестественно. Теперь я увидел. Левой ноги у незнакомца не было, из криво обрезанной штанины торчал грубый протез. Вот почему он так странно присел, когда я ударил.

— Я видел, как ты вёз Эрла Стёрджиса.

Вот оно что. Не грабитель. Не случайный взломщик. Человек, который следил за генералом — и, выходит, за мной тоже.

— Я агент по недвижимости, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Показывал ему дома. Это моя работа.

Тень хмыкнула. Звук получился невесёлый.

— Я осмотрел твой дом, пока ты спал, — сказал он. — У тебя куча вещей со штампами Форта Стюарт. Армейские одеяла. Куртки. Даже грёбанный полевой телефон. Так агенты по недвижимости не живут.

Вот теперь мне стало по-настоящему не по себе. Осмотрел. Пока я спал. Он был здесь, в моём доме, ходил по комнатам, и я даже не проснулся. Вытащил пистолет у меня из-под подушки. Даже островное чутьё сработало слишком поздно. Адреналин в крови сменился холодной, липкой трезвостью.

— Потому что мы с сослуживцами барыжим барахлом со складов, — ответил я. — Спisanное, неучтённое, что армии не нужно, а нам приносит пару баксов. Это не секрет. И не противозаконно.

«В основном» — добавил я про себя.

— Только что ты был агентом по недвижимости.

— Так и есть, это мой хлеб. А весь этот армейский хлам — к тому хлебу масло, иногда ветчина «Спам». Но это непостоянная подработка. На это не проживёшь.

Пауза. Тень, кажется, думала. Потом ствол чуть опустился — на дюйм, не больше. Глаза уже начинали различать человека. Я видел, как луна отражается в его глазах — два маленьких белых пятна, неподвижных, немигающих. От этого было не по себе. Потом он шагнул вперёд. Остановился в двух шагах от кровати. Теперь я мог разглядеть его лицо. Чёрное. Худое. Со следами времени и того, что временем не назовёшь. Глаза глубоко запали, скулы выпирали, как дверные ручки. На вид — чуть старше меня, но, может быть, ему было столько же. Просто жизнь разложила его по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.